

Цзюнь-ши также услышала этот звук, обернулась и увидела человека, который вышел из двери — бледного и шатающегося. На её лице появилось беспокойство, и она поспешила поддержать его:

— Сугэр... нет, молодой господин, зачем ты вышел? Когда тебя принесли назад, у тебя была температура, ты не мог встать. Здесь я справлюсь, иди обратно отдыхай!

Это была его мать. Даже если она была любима в доме, даже если родила сына и дочь, она всё равно была всего лишь наложницей.

Она могла терпеть притеснения со стороны законной жены княгини и даже не имела права называть своего сына сыном, только молодым господином.

Но она, пока его единственная родная сестра была жива, всегда делала всё возможное, чтобы заботиться о нём и любить его.

После более чем десяти лет разлуки с матерью Гу Чжису опустил свои чёрные ресницы, не понимая, что чувствует. На лбу выступил холодный пот из-за слабости тела, но он держался из последних сил, не желая падать в обморок. Его тёмные глаза на мгновение остановились на матушке Цзинь — всё так же мягкие и безобидные, но матушка Цзинь вдруг почувствовала холодок вдоль спины, и в её взгляде промелькнуло подозрение.

— Не нужно, наложница... Я должен пойти к княгине и объясниться. Не беспокойся.

Голос Гу Чжису звучал слабо, очевидно, из-за чрезмерного истощения. Сбоку его лицо не изменилось, и матушка Цзинь тут же решила, что ей показалось. Она отвернулась, приняв высокомерный вид, и лишь когда Гу Чжису, поддерживаемый Цзюнь-ши, подошёл к ней, холодно фыркнула:

— Четвёртый молодой господин, прошу вас.

Человек, одетый только в тонкую рубашку, дрожащий от зимнего холода, ещё больше опустил голову, волосы почти закрыли всё его лицо:

— Матушка, ведите.

Матушка Цзинь увидела, что её план не удался, но из-за присутствующих людей не могла просто так уйти, не забрав его, да и логически нельзя было оставить ему отдыхать. С крайне неприятным выражением лица она развернулась и быстрым шагом направилась к главному дому, оставив слабого Гу Чжису медленно плестись сзади. Только спустя долгое время, тяжело дыша, он добрался до арки главного дома.

Жгучая боль в груди постепенно распространилась по всему телу. Тринадцатилетний он был избалованным ребёнком, не знавшим страданий, но нынешний он прошёл через тернии и мог спокойно идти по лезвию ножа. Эта боль для него сейчас была как камешек, который можно отшвырнуть ногой, и в ней не было ничего страшного.

Матушка Цзинь шла намного быстрее. К тому же, не выполнив поручение княгини, она чувствовала раздражение, и в её голосе добавилось ещё больше пренебрежения. Она была служанкой, пользовавшейся особым доверием княгини, и её высокомерие превосходило даже молодых госпож, не говоря уже о незаметном сыне наложницы. Поэтому тон её стал ещё более резким:

— Четвёртый молодой господин, вы идёте так медленно, не собираетесь ли вы проявить неуважение к княгине?

Гу Чжису поднял глаза, быстро скользнул по ней и опустил их, сжавшись, словно испугавшись, и тихо ответил:

— Матушка, вы преувеличиваете. Чжису не смеет.

Матушка Цзинь, увидев его робкий вид, ещё выше задрала подбородок, собралась что-то сказать, но краем глаза заметила фигуру и тут же сникла, как подмороженный баклажан, испуганно отступив на шаг назад. Гу Чжису, увидев её внезапную перемену, лишь слегка шевельнул тонкими губами, как вдруг за спиной раздался голос:

— Чжису, что ты здесь делаешь?

Услышав этот голос, Гу Чжису наконец дрогнул, почувствовав, как холодный ветер пронзает спину. Этот голос он никогда не забудет — голос главы клана Гу, Гу Вэньмяня, который считал его всего лишь пешкой!

Спустя годы он снова увидел Гу Вэньмяня, которого после своего восшествия на престол убили своими наёмными убийцами. Гу Чжису издали смотрел на этого мужчину: ему уже было сорок, но он всё ещё выглядел красивым и величественным, шагающим, как драгоценное нефритовое дерево. В сердце Гу Чжису раздался холодный смех, но на лице он сохранил полное почтение:

— Отец.

Гу Вэньмянь увидел произошедшую сцену и, остановившись, нахмурил брови, посмотрел на испуганную матушку Цзинь. Хотя он не любил Гу Чжису и всегда считал этого сына мрачным и тяжёлым, он всё же был его плотью и кровью. Если позволить слуге унижать его, в доме в будущем, возможно, начнётся беспредел. Лицо Гу Вэньмяня мгновенно стало мрачным от гнева.

Он знал, что эта старая служанка была доверенным лицом жены, и не хотел публично уронить её лицо, наказывая старую рабыню прямо здесь, поэтому пока решил потерпеть и разобраться позже. Взгляд скользнул по робко стоящему сзади Гу Чжису, голос стал ещё холоднее:

— Войдём.

Гу Чжису, только глядя на изменение его выражения, понял, о чём он думает, но сам, глядя на отца, выказал сыновнюю почтительность и поспешно ответил:

— Да, отец.

Гу Вэньмянь, опустив голову, вошёл в главную комнату, а Гу Чжису плотно следовал за ним. Его тут же окутало густыми волнами тёплого аромата, от чего из-за слабости и жара ему стало ещё хуже, тело начало бить ознобом, глаза затуманились, но он не обращал на это внимания. Он лишь шагнул вперёд и, склонившись в поклоне, поприветствовал седовласую старую госпожу, сидевшую на ложе «лохань» и державшую чётки, чей взгляд был строг и спокоен:

— Чжису приветствует бабушку, желает бабушке здоровья.

В момент входа в комнату Гу Чжису увидел восьмистворчатый экран из нефрита, за которым

шли золотые кирпичи. Над головой висели большие дворцовые фонари с золотым изображением птиц, по бокам стояли либо дорогие нефритовые изделия, либо древние реликвии прошлых династий. Вся мебель в комнате была сделана из красного сандала, что не отличалось ни на йоту от его воспоминаний.

Гу Чжису вошёл и сразу опустился на колени, не глядя на законную мать, сидевшую недалеко от старой госпожи и злобно уставившуюся на него. Он просто опустил голову, изображая послушание, и сказал:

— Бабушка, мать, Чжису уже осознал свою вину и специально пришёл извиниться перед матерью и бабушкой.

Княгиня Синь, сидевшая на нижнем месте у лохани, одетая в широкую медную куртку с вышивкой и юбку цвета лотоса, услышав это, в миндалевидных глазах промелькнула злоба, и она неестественно улыбнулась:

— О?

— Отвечая бабушке, матери и отцу, сегодняшний инцидент произошёл на самом деле так... В полдень старшая сестра пригласила Чжису прогуляться по саду, и Чжису с радостью согласился. Кто бы мог подумать, что из-за холодной погоды мне стало немного головно от движения, я случайно наступил на камень у озера и упал. Что касается старшей сестры — старшая сестра упала случайно, пытаюсь спасти Чжису.

Гу Чжису не дал законной матери закончить то, что она хотела сказать, а не спеша и чётко произнёс всё, что хотел, одно за другим. При этом он на его лице читалась искренняя благодарность, а вместе с бледным и худым, вызывающим жалость видом, это заставило присутствующего Гу Вэньмяня слегка приподнять брови. Строгое выражение лица старой госпожи медленно смягчилось, она снова начала перебирать чётки, а Синь на мгновение не нашла слов для возражения и могла только злобно смотреть, как он договорил последнее предложение.

— Что ты сказал?

Гу Чжису словно совершенно не видел выражения лица Синь, а лишь продолжал демонстрировать благодарность, опустил голову и поклонился старой госпоже и Гу Вэньмяню перед собой, голос его был чрезвычайно искренним:

— Доложу матери и бабушке: Чжису сегодня, собирая последние силы, пришёл именно для того, чтобы объяснить бабушке и матери это дело. Надеюсь, бабушка и мать не будут винить старшую сестру за падение в воду и потерю добродетели. Если же действительно нужно наказать кого-то... прошу наказать Чжису!

По обычаям Великой Ци, незамужняя девушка, упавшая в воду при всех, могла быть признана утратившей добродетель и отправлена в семейный храм. Гу Чжису напоминал именно об этом. Когда его слова стихли, он увидел неприглядное лицо Синь и ещё ниже опустил голову.

Синь всё это время сидела рядом, готовая открыть рот, но теперь, услышав это, ей стало неудобно говорить. Она незаметно обвела взглядом коленапреклонённого человека, чувствуя, что злоба в груди никак не рассеивается, и невольно скрипнула зубами.

Она знала, что Гу Чжису после возвращения был в коме, и хотела сначала пожаловаться старой госпоже и князю, разжечь огонь и воспользоваться этим делом, чтобы наложить запрет

на сына наложницы, а затем медленно придумать, как его уничтожить. Но она не думала, что у Гу Чжису такая хорошая судьба — он очнулся вскоре после того, как матушка Цзинь ушла. Она не знала, что случилось, из-за чего этот сын наложницы вдруг стал таким умным и осмелился перевернуть всё с ног на голову, чтобы заткнуть ей рот!

<http://bllate.org/book/16652/1525574>